

9. Объединенный второй, третий, четвертый и пятый периодический доклад государств-участников. Зимбабве [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/TreatyBodyExternal/Countries.aspx?CountryCode=ZWE&Lang=RU (дата обращения: 30.04.2019 г.)
10. Объединенный первоначальный, второй и третий периодический доклад государств-участников. Бенин [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/TreatyBodyExternal/Countries.aspx?CountryCode=BEN&Lang=RU (дата обращения: 30.04.2019 г.)
11. Четвертые периодические доклады государств-участников. Бенин [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/TreatyBodyExternal/Countries.aspx?CountryCode=BEN&Lang=RU (дата обращения: 30.04.2019 г.)
12. Четвертый и пятый периодические доклады государств-участников, которые подлежали представлению в 2010 году. Гамбия [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/TreatyBodyExternal/Countries.aspx?CountryCode=GMB&Lang=RU (дата обращения: 30.04.2019 г.)

Женщины как граждане: опыт социальной активности в постсоветской России

(Успенская В. И. и Белякова Н. А.)

Успенская В. И.,

директор центра женской истории и гендерных исследований, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, Институт экономики и управления Тверского государственного университета, Тверь, Россия.

Белякова Н. А.,

студентка 2 курса магистратуры направления «Политология» кафедры политологии, Институт экономики и управления Тверского государственного университета, Тверь, Россия.

Аннотация: авторы рассматривают и характеризуют женский активизм и гражданское общество с гендерных позиций, а также выявляют основные формы и направления гражданской активности женщин в постсоветской России в период политической трансформации государства в 1990-2000 гг.

Ключевые слова: демократизация, феминизм, гендер, женский активизм, женское движение, женские НПО, гражданское общество.

Проблема, выбранная авторами, чрезвычайно актуальна на фоне происходящих изменений в самосознании российских граждан. Процесс социальной трансформации и переход от государственного социализма к (более или менее) либеральной демократии в России повлекли за собой

переосмысление взаимоотношений между государством и гражданским обществом, а также между публичным и частным, и, следовательно, переопределение гражданства. Изучение женского активизма и условий гражданства являются перспективным полем для исследования гендерных аспектов гражданского общества. Изменения в политической системе и общие экономические, социальные и культурные преобразования предоставили женщинам больше возможностей для действий в 1990-е гг. в России, а сама трансформация стала результатом самоорганизации различных социальных групп.

Понятие гражданского общества в том виде, как оно определяется и понимается в западной философии и научной литературе [3], во многих отношениях проблематично в российском контексте. Концепция гражданского общества тесно связана с классической либеральной традицией и западной историей. Таким образом, данное исследование опирается на теорию гражданственности, которая объединяет две исторические традиции гражданства: республиканизм и либеральную парадигму с явным феминистским подходом. И под политическим гражданством авторы подразумевают: возможность принимать участие и влиять на социально-политические процессы, создавать движения и формулировать интересы в публичное поле политики. Но реализация прав человека в гибридном режиме, таком как в России, характеризуется сложными политическими процессами как для граждан, так и для государства. В гибридных системах элементы демократических институтов присутствуют вместе с авторитарными средствами контроля свобод. С одной стороны, данная причина раскрывается в сложившихся социальных и культурных привычках/традициях советского наследия, в существующих моделях мышления в российской политике. С другой стороны, это прямое следствие так называемой «контролируемой демократии», которая мешает проявлению любого рода гражданского активизма в стране и делает реальное социальное равенство между мужчинами и женщинами иллюзией. Разумеется, политическая установка на построение в середине 1990-х гг. современной демократической политической системы в стране была в какой-то степени успешна и предполагала, что женщинам, как и мужчинам, должна быть обеспечена не только юридически, но и фактически вся совокупность прав человека. На этом настаивали, в частности, женские организации [1, с. 131-140]. Благодаря их давлению, в текст принятой в 1993 г. Конституции РФ была включена и норма гендерного равенства (*Ст. 19.3 Конституции РФ*) [1, с. 134], которая в современном российском государстве не действует.

Однако, если попытаться исследовать, что такое «российское гражданское общество», то нужно учитывать следующие вопросы: кого можно считать «гражданином», и что делает этот «гражданин» на арене, где и как он действует, если она сконструирована изначально по мужскому типу? Каким образом создаётся и определяется гражданство в современном российском обществе? Является ли данная модель гражданства единственно правильной для разных сообществ? И будут ли в ней вопросы мужчин и женщин оцениваться

эгалитарно? И, если гражданский активизм дискурсивно конструировать как женский, будет ли данный факт означать, что женщины составляли и составляют подавляющее большинство в институционализации гражданского общества в постсоветской России?

Перестройка, период с 1985 по 1991 гг., была коротким и эмоционально напряжённым временем в политической жизни российского общества: шесть лет массового энтузиазма, прямых коллективных действий и первых альтернативных выборов, а также экономических кризисов – появление продовольственных карточек, дефицита продовольствия и повсеместное распространение самогона [9, р. 123-138]. С эрозией советской политической системы и политикой демократизации произошла трансформация сознания многих женщин. Важными элементами здесь были бесконечные откровения (благодаря политике гласности) о запустевшей гендерной ситуации в социальной и политической сферах в стране, постоянно ухудшающиеся экономические условия, разочарование в действующих до сих пор политико-идеологических ценностях и нормах, а также признание необходимости женского гражданского [политического] участия, не предписанного (мужским) иерархическим покровительством.

Несмотря на то, что политическая динамика, открытая общественная активность и историческое настроение стали величайшим вкладом перестройки, реформы гласности и демократизации вызывали коллективный протест в стране. Так, например, в одном из своих выступлений М. С. Горбачёв выразил позицию по проблеме советской гендерной политики и о её непреднамеренных разрушительных социальных последствиях для новой политической системы. Термин «*gender*», конечно же, не был частью его риторики, но он согласился с официальной советской догмой о гендерном равенстве: «Советское государство обеспечило равенство между мужчинами и женщинами, как это гарантировано законом» [9, р. 124].

В период перестройки была создана самая неприглядная картина феминизма: средства массовой информации установили критический пафос, направленный на то, чтобы российское общество само дискриминировало женщин, обвиняя их в забвении «естественной женской цели» [10, р. 15-18]. *(Аналогично можно провести параллель с нынешними политическими реалиями: обеспечивает ли присутствие женщин в политике реализацию интересов самих женщин как одной или нескольких гендерных групп? Учитывая тот факт, что современные женщины-политики, занимающие высокопоставленные должности в правительстве РФ, заявляют в СМИ о том, что женщины-гражданки «не используют своё тело по назначению» и требуют «отказаться от гендерного равноправия», можно дискурсивно предположить, что в современной России проводится антифеминисткая политика, которая направлена на закрепление патриархата, «традиционных российских ценностей» [12]).*

Но постепенно, под давлением массовой мобилизации, советское государство ослабило свои позиции в общественной сфере, и новые акторы

появились в публичной сфере: темы, которые шаг за шагом касались несправедливости и неравенства, нашли своё отражение в период трансформации российского общества (1990-2000 гг.). Распад Советского Союза в 1991 г., введение неолиберальных экономических реформ только ускорили гендерные процессы в стране. Так как женщины были исключены из публичной сферы, создавались новые федеральные и региональные комитеты и департаменты для продвижения их интересов как маргинальной категории населения. По мнению российского социолога А. Тёмкиной, политическая и социальная «маргинальность женщин в советском обществе объяснялась, с одной стороны, недостаточной мотивированностью участия, а, с другой, – дискриминацией» [2, с. 20]. Таким образом, гражданское общество, наряду с демократическими ценностями и переходом к рыночной экономике, были ключевыми темами в дискуссии о социальных преобразованиях в России, и роль неправительственных организаций (НПО) была сочтена отечественными и зарубежными политологами и социологами существенной для исследования женского активизма [5, р. 123-127]. НПО, которые представляли собой разнообразие интересов женщин в плюралистическом будущем российском обществе, делились на пять категорий: политические, профессионально и экономически ориентированные, сознательные и общеобразовательные, феминистские и группы самопомощи. Поводом для основания политических женских группировок было, например, отрицание, неуважение или отсутствие инициатив женщин в политически значимых вопросах (отсутствие женской [гендерной] политики).

В 1990-е гг. в России женщины преобладали в добровольных и общественных организациях (насчитывалось около 300 официально зарегистрированных женских объединений, столько же незарегистрированных женских клубов, ассоциаций и групп) [10]. За короткое время однонаправленное организационное советское женское движение трансформировалось в многогранный спектр женской активности по всей России. В середине 1990-х гг. создавалось огромное количество групп самопомощи и центров гендерного просвещения, которые пытались устранить разрыв политического и социального недопонимания в российском обществе. Сложились разные формы женской организации в стране – Объединения, Инициативы, Проекты, Отделы, Секции, Программы. Степень развитости женского движения характеризуется тем, что некоторые группы выстраивали объединения более общего характера – Ассоциации, Союзы, Женские Советы; более того, небольшое число организаций называли себя Лигами, Движением, Форумом, Конгрессом, Консорциумом, Сетью, Ассамблеей, Федерацией. В конце XX в. существовало несколько женских организаций, которые имели широкую региональную сеть (Союз женщин России (СЖР), Движение женщин России, Ассоциация независимых женских объединений (АНЖО), Консорциум женских неправительственных объединений, Независимый женский форум). Деятельность других была сфокусирована на какой-то одной теме/проблематике (Комитеты солдатских матерей, Ассоциация кризисных центров, Ассоциация

планирования семьи, Ассоциация женщин-фермеров, Ассоциация журналисток, Межрегиональная ассоциация женщин-юристов, Ассоциация женщин-предпринимательниц и т. д.)

Такое явление – создание добровольческих женских организаций – британский политолог К. Пейтмен [7] связывает с олицетворением «горизонтальных» отношений внутри гражданского общества. В то время как женщины формально преобладают в «горизонтальных» гражданских социальных структурах, они не обязательно занимают доминирующее положение в исполнительных государственных органах власти или в более формальных политических институтах, таких как политические партии или правительственные учреждения («вертикальные структуры»). По мнению Пейтмен, чем больше влияние тех, кто участвует в общественных организациях (создают свои горизонтальные сети) и процессах формирования публичной политики, тем больше прослеживается участие женщин в становлении гражданского общества. Так, например, анализируя текст В. Сперлинг «Organizing women in contemporary Russia» [10], можно заключить, что многие женские НПО в постсоветской России (1990-2000 гг.) были созданы в связи с ухудшением положения женщин на рынке труда. Из-за приватизации бывших государственных предприятий социальные услуги, ранее предоставляемые на рабочих местах, быстро исчезали. Женские добровольные объединения начали исправлять сложившуюся в стране политическую ситуацию, выполняя некоторые из тех задач, которые раньше решались государством. Они обеспечивали профессиональное переобучение, помогали найти новые рабочие места для женщин и предлагали консультации психолога, юриста и социального работника. Начиная с 1991 г., женскими группами были проведены ярмарки, благотворительные акции, круглые столы, семинары, конференции и лекции по феминизму и лоббированию интересов женщин; созданы группы поддержки для матерей-одиночек, женщин-художников и женщин-предпринимателей; сформированы кризисные женские центры и горячие линии; проводились политические кампании от имени женщин-политиков.

Как отмечают авторы монографии «Women and Transformation in Russia», взаимодействие между социальным и политическим гражданством было решающим фактором в развитии положения женщин как граждан в XX в. Однако как реализуются гражданские права женщин и как они связаны с их политическим участием в современной России? В первую очередь, женские движения должны иметь возможность эффективно лоббировать права женщин и оказывать влияние на принятие политических решений. И женские некоммерческие организации 1990-х гг. являются выражением их коллективных социально-политических действий. В конце XX в. стратегия женского движения была направлена на то, чтобы интересы женщин были представлены и защищены на самых высоких уровнях политической власти. Лозунг независимых форумов «Демократия минус женщина – не демократия» стал знаменем всех последующих лет работы и борьбы российских женщин. Это была попытка трансформации гендерной политики в России. Создание общественных женских

организаций и работа в них служила средством самовыражения, способом воплотить свою мечту о государстве новых возможностей с гражданским обществом. Опыт женского движения, женский опыт гражданских инициатив в годы реформ 1990-х гг. можно считать одним из признаков движения в сторону демократии. Поэтому ясно одно: без активного участия как женщин, так и мужчин становление гендерного равноправия и гражданского общества в России вряд ли возможно.

Список литературы:

1. Айвазова С. Г. Гендерное равенство как проблема российских реформ: политический аспект: (науч.-аналит. докл.) / С. Г. Айвазова; Рос. акад. наук. Ин-т сравнит. политологии. Центр полит. культуры и полит. участия. – М.: ИСП РАН, 2002. – 52 с.
2. Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. научн. статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Тёмкиной. Центр независимых социальных исследований. Труды. Вып. 4. – Санкт-Петербург, 1996. – 96 с.
3. Джин Л. Коэн, Эндрю Арато. Гражданское общество и политическая теория / Пер. с англ. / Общ. ред. И. И. Мюрберг. – М.: Издательство «Весь мир», 2003. – 784 с.
4. Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. – 372 с.
5. Empowering women in Russia: activism, aid, and NGOs / Julie Hemment. – Indiana University Press, 2007. – 208 p.
6. Linda Racioppi, Katherine O'Sullivan. Women's Activism in Contemporary Russia / See USA: Temple University Press, 1997. – 277 p.
7. Pateman C. The sexual contract // CA: Stanford University Press, 1988. – 280 p.
8. Phillips A. Engendering Democracy // The Pennsylvania State University Press. University Park, Pennsylvania, 1991. – 192 p.
9. Saarinen A., Ekonen K. & Uspenskaia V. Women and Transformation in Russia / by Routledge, 2014. – 244 p.
10. Sperling V. Organizing women in contemporary Russia // Cambridge University Press, 1999. – 316 p.
11. Funk N., Mueller M. Gender politics and post-communism: reflections from Eastern Europe a. the former Sov. Union / by Routledge, 1993. – 349 p.
12. Voronina O. Has Feminist Philosophy a Future in Russia? // Signs. Vol. 34, №. 2 (2009). – P. 252-257.